

Я. ФИРБАС

ФУНКЦИИ ВОПРОСА В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

Исследование вопросительных предложений с точки зрения функциональной перспективы предложения (ФПП, или актуального членения)¹ связано прежде всего с общей разработкой теории ФПП. Следуя за Ф. Данешом², мы различаем семантическую структуру предложения и грамматическую структуру предложения. Для простоты мы будем, однако, говорить здесь о семантико-грамматической структуре предложения. Эта структура может проявляться (функционировать) в разных контекстах, или в разных перспективах; таким образом, она служит разным коммуникативным целям. Об этом ясно свидетельствует тот факт, что интонационный центр, т. е. функционально наиболее важная просодическая примета предложения, может соответственно относиться к разным элементам предложения, например, *The 'girl 'came into the`room*, *The`girl came into the room*, или с сильным контрастным ударением *The`girl came into the room*, *The girl came`into the room*³ и т. д. Теория ФПП ставит своей целью установление закономерностей, которые определяют функционирование разных семантико-грамматических структур в разных контекстах

Теория ФПП оперирует понятиями «тема» и «рема». Согласно концепции Матезиуса, тема предложения состоит из элементов, которые выражают нечто известное, данное, а также то, что можно узнать из предыдущего контекста; рема состоит из элементов, выражающих что-то новое, неизвестное, не следующее из предыдущего текста⁴. Так, если структура предложения *The girl came into the room* представляет *the girl* как новое лицо, появляющееся на сцене, то элемент *the girl* следует считать рема-

¹ Указанной проблемой с точки зрения ФПП занимались некоторые чешские исследователи. См.: V. M a t h e s i u s, Základní funkce pořádku slov v češtině, SaS, 1941. 7, стр. 173; е г о ж е, Ze srovnávacích studií slovosledných, «Casopis pro moderní filologii», 1942, 28, стр. 302; е г о ж е, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», Praha, 1947, стр. 336—337; F r. D a n e š, Intonace otázky, «Naše řeč», 1949, 33; е г о ж е, Intonace a věta ve spisovné češtině, Praha, 1957, стр. 80—81; J. F i r b a s, Some thoughts of the function of word order in Old English and Modern English, «Sborník prací filosofické fakulty brněnské university», 6, A 5, 1957, стр. 90—92; M. G r e p l, O větách tázacích, «Naše řeč», 1965, 48; е г о ж е, Emocionálně motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědi, Brno, 1967, стр. 41; J. M i s t r í k, Slovosled a vetosled v slovenčine, Bratislava, 1966, стр. 97—98; Н. К ř í ž k o v a, Tázací věta a některé problémy tzv. aktuálního (kontextového), členění, «Naše řeč», 1968, 51. Структурально-функциональный подход свойствен и работе: M. A. K. H a l l i d a y, Notes on transitivity and theme in English, II, «Journal of linguistics», 1967, 3, разд. 5.

² F r. D a n e š, A three-level approach to syntax, «Travaux linguistiques de Prague», 1964, 1, стр. 225—240.

³ В приведенной системе обозначений объединяется выражение тона и ударения (см.: R. K i n g d o n, The groundwork of English intonation, London, 1958; P. A. D. M a c C a r t h y, English conversation reader, London, 1956): ' — ударяемый слог с высоким ровным тоном, ` — ударяемый слог с высоким падающим тоном, ' — ударяемый слог с высоким восходящим тоном, " — эмфатически ударяемый слог с высоким падающим тоном, " — эмфатически ударяемый слог с высоким восходящим тоном, ' — ударяемый слог с высоким падающе-восходящим тоном, ' — частично ударяемый слог с низким ровным тоном, ' — частично ударяемый слог, содержащийся в отрезке слогов с восходящим тоном.

⁴ В. Матезиус определяет тему как «то, что известно или хотя бы очевидно в данной ситуации и от чего говорящий отправляется в своем высказывании» (V. M a t h e s i u s, O tak zvaném aktuálním členění větném, SaS, 1939, 5, стр. 171. См. также: J. F i r

тическим, а остальную часть предложения тематической. Если же в качестве нового выступает сцена, на которой кто-то появляется, то элемент *the girl* следует считать тематическим, а остальную часть предложения рематической. Ниже будет показано, что анализ функциональной перспективы предложения можно осуществлять более точно и тонко.

Переходя к интерпретации ФПП вопросительных предложений, следует напомнить, что существует два основных типа вопросительных предложений: 1) так называемые замкнутые (или глагольные) вопросы (по М. Халлидею, *polar interrogative*) и 2) так называемые развернутые (или местоименные) вопросы [по М. Халлидею, *non-polar (WH-) interrogative*] ⁵. Примером первого типа является *Are you reading this book?*, примером второго типа — *What are you reading at the moment?*

В. Матезиус ремой местоименного вопроса (*non-polar interrogative*) считает начальное вопросительное слово, т. е. для английского языка WH-элемент (*What are you reading at the moment?*) ⁶, поскольку вопросительное слово заменяет неизвестный элемент, который должен быть раскрыт как рема ответа. Элементы, находящиеся после вопросительного слова, образуют тему вопроса. По поводу замкнутых (*polar interrogatives*) вопросов Матезиус замечает, что наиболее частый в чешском языке тип вопроса начинается личной формой глагола, которая несет главное ударение и является рематической. Глагол выражает рему, потому что он указывает на неизвестный элемент, который должен быть раскрыт ответом («да» или «нет»). Ср.: *Pojedeš dnes večer s Petrem do Prahy?* = *Fährst du heute abend mit Peter nach Prag?* Остальная часть вопроса интерпретируется как часть, содержащая известные спрашивающему понятия и поэтому воспринимаемые им как тематические. В то же время Матезиус указывает, что главное ударение может находиться и на другом элементе, а не только на личной форме глагола. В таком случае этот элемент находится не в начальной, а в конечной позиции ⁷.

Ф. Данеш, выражая несогласие с Матезиусом, считает, что в местоименном вопросе вопросительное слово не всегда должно быть рематическим; рема может выражаться и другим элементом, а не только вопросительным словом ⁸. Вот несколько облегченные примеры Данеша; это две группы предложений, каждая из которых состоит из вопроса и ответа:

A: *Chceme jet do Prahy.*
A: *Zítřa jedeme do Prahy?*

B: *Kdy tam pojedete?*
B: *Kdy pojedete do Brna?*

По Данешу, элемент *kdy* в первой группе действительно функционирует как рема, а все другие элементы передают известную информацию. В другой группе, однако, элемент *kdy* оттесняется элементом *do Brna*, который противопоставляется элементу *do Prahy*.

Наблюдения Данеша показывают, что глагол в замкнутом вопросе нельзя считать однородным носителем ремы. Разные интонации показывают разные оттенки интересов спрашивающего (ср.: *'Have you 'seen my*

b a s, On defining the theme in functional sentence analysis, «Travaux linguistiques de Prague», 1964, 1, стр. 268). Рема предложения (ядро высказывания) определяется Матезиусом как «то, что говорящий утверждает что-то, или то, что он утверждает относительно темы высказывания» (V. M a t h e s i u s, указ. соч., стр. 171; J. F i r b a s, указ. соч., стр. 277).

⁵ М. А. К. H a l l i d a y, указ. соч.

⁶ V. M a t h e s i u s, Základní funkce ...; е г о же, Ze srovnávacích studií

⁷ Там же.

⁸ Fr. D a n e š, Intonace otázky, стр. 81—82.

'hat?', 'Have you 'seen my 'hat?', 'Have 'you 'seen my 'hat?', 'Have you 'seen 'my hat?', 'Have you 'seen my 'hat?'). Глагол выражает ремю только тогда, когда он является носителем интонационного центра.

Мы уже пытались показать, что взгляды Матезиуса и Данеша нуждаются в определенном соотнесении⁹. Здесь мы предлагаем следующую несколько исправленную и улучшенную аргументацию.

Вопрос отражает иные отношения между говорящим и слушающим, чем повествовательное предложение. В повествовательном предложении говорящий обладает определенным знанием и сообщает его слушателю. В вопросительном предложении главной целью говорящего является получение знания от слушающего; он требует от слушающего, чтобы тот занял позицию говорящего, и, став говорящим, отдал требуемое знание. Чтобы это сделать, говорящий пользуется вопросом.

В местоименных вопросах функция, выражающая желание говорящего получить знание, выполняется в первую очередь местоименным словом (WH-элемент). В замкнутых вопросах эта функция выполняется главным образом личной формой глагола. Другие элементы передают хорошо известные говорящему (спрашивающему) понятия. Спрашивая, например: 'What did you dis'cuss with 'Peter 'yesterday?', говорящий знает, что слушающий обсуждал вчера что-то с Петром. Это давало основание Матезиусу считать тематическими те элементы, которые стоят в вопросе рядом с показателями желания получить знание.

Указанные понятия могут быть известны также слушателю, и в нашем примере это действительно так (он прекрасно знает, что вчера с Петром нечто обсуждалось). Они могут представлять, как это имеет место в нашем примере, часть общих знаний слушающего и говорящего. Однако при обычных условиях все эти понятия не являются одинаково важными для говорящего, и он должен дать понять это слушателю. Он должен ему показать, в каком именно аспекте следует подойти к вопросу. Этот аспект является новым для слушателя, и в этом виде надо его представить и сообщить слушателю. Важным средством, указывающим на способ подхода к этой позиции, т. е. на перспективу, в которой должен функционировать вопрос, является интонация: 'What did you dis'cuss with 'Peter 'yesterday?', 'What did you dis'cuss with 'Peter 'yesterday?', 'What did you dis'cuss with 'Peter 'yesterday?', 'What did you dis'cuss with 'Peter 'yesterday?...

Возможно и такое представление проблемы. Говорящий может разделять со слушающим некоторую часть или части знаний. Но во всяком случае он должен сообщить слушающему, какие знания он имеет в виду. При нормальных условиях спрашивающий не может спросить только *Что?* ('What?'). Это можно сделать, когда требуется повторение уже сказанного ответа (в этом случае допустима, конечно, также форма 'What did you dis'cuss with 'Peter 'yesterday?').

Отсюда следует, что элементы, которые можно считать известными, поскольку они являются общими знаниями, разделяемыми говорящим и слушающим, нельзя отождествлять с информацией, известной к моменту высказывания. Эти элементы могут оказаться и неизвестными в случае узкого, специального контекста, установленного в самый момент высказывания, или, иными словами, относительно коммуникативной цели вопроса¹⁰.

Элементы, которые оказываются неизвестными относительно коммуникативной цели предложения, следует считать контекстуально независимыми¹¹. Примером может послужить следующее наблюдение. В предло-

⁹ J. F i r b a s, Some thoughts ...

¹⁰ J. F i r b a s, Non-thematic subjects in contemporary English, «Travaux linguistiques de Prague», 1966, 2, стр. 246.

¹¹ Там же.

жении *John has gone to the window* элемент *the window* может быть хорошо известен из предыдущего контекста. Но если целью сообщения является передача направления движения, уточнение места, которое достигнуто или должно быть достигнуто, в данном случае *the window*, обязательно становится контекстуально независимым. Пользуясь объяснением Халлидея, можно сказать, что контекстуально независимые элементы можно было бы представить как элементы, которые передают информацию невыводимую, не извлекаемую из предыдущего контекста ¹².

Итак, можно утверждать, что вопрос выполняет две важные коммуникативные функции: 1) он выражает желание спрашивающего получить знание и обращается к информанту с тем, чтобы тот удовлетворил это желание; 2) он сообщает предполагаемому информанту знание того, чем интересуется спрашивающий (о чем он в данный момент думает), и соответствующий аспект, исходя из которого следует удовлетворить недостаток знания.

Наша попытка согласовать точки зрения Матезиуса и Данеша может быть резюмирована следующим образом. Матезиус наибольшее внимание уделяет первой функции; заслуга Данеша состоит в том, что он достиг лучшего понимания второй. В целом следует сказать, что у Матезиуса нельзя согласиться с тем, как он интерпретирует известные и неизвестные элементы внутри вопроса. Толкование функциональной перспективы вопроса, допускающее только две степени коммуникативной важности, нельзя признать вполне адекватным.

Можно предположить, что в вопросительных предложениях, как и в повествовательных, элементы различаются мерой, в которой они способствуют разворачиванию сообщения. Вот пример наиболее обычного функционирования семантико-грамматической структуры *He has found a hat*. Элемент *he* — единственный, который можно считать контекстуально независимым, передающим известную с точки зрения узкой сцены информацию; он в наименьшей мере способствует дальнейшему разворачиванию сообщения. *A hat* способствует этому разворачиванию в наибольшей мере. Элементы *has* и *found* находятся между *he* и *hat*, причем *found* способствует дальнейшему разворачиванию сообщения больше, чем *has*. Указанные элементы передают разные степени коммуникативного динамизма (КД). Элемент, передающий самую низкую степень КД, образует тему, а элемент, передающий наивысшую степень КД, образует рему предложения. Элементы, стоящие между темой и ремой, можно считать переходными. Хотя в немецкой передаче рассматриваемого предложения наблюдается другой порядок слов, относительно распределения степеней КД здесь обнаруживаются те же самые отношения: *Ich habe einen Hut gefunden* ¹³. С уверенностью можно полагать, что даже в вопросительных формах *Has he found a hat?*, *Hat er einen Hut gefunden?*, *What has he found?*, *Was hat er gefunden?* представлены разные степени КД. В немаркированном случае элементы *he/er* интерпретируются как тематические.

*

Переходя непосредственно к вопросу о роли глагола и WH-элемента (далее ВЭ «вопросительный элемент») в ФПП, обратимся к утверждению М. Халлидея, согласно которому функции «данного» и «нового» нельзя

¹² М. А. К. Halliday, указ. соч., разд. 4.

¹³ О взаимодействии средств с разной степенью КД см., например: J. Firbas, указ. соч.; его же, On the interplay of means of functional sentence perspective, «Actes du Xe Congrès international des linguistes», I, Bucarest, 1970.

отождествлять с функциями «темы» и «ремы»¹⁴. Думается все же, что «данное» и «новое» объединяется в общем понятии «степени КД»; элемент(ы), передающий(е) самую низкую степень КД, образует(ют) тему предложения. Халлидей считает, что тема занимает начальную позицию в предложении; тема — это точка, от которой предложение начинается как сообщение; все, что следует за ней, является ремой¹⁵. Согласно нашей точке зрения, рема, напротив, не связывается исключительно с началом предложения; элементы, составляющие тему и передающие самую низкую степень КД, принципиально не зависят от их позиции внутри предложения (в немаркированном случае структура *I saw him* имеет два тематических элемента: *I* и *him*).

Для обозначения «темы» (по Халлидею) Э. Бенеш употребляет термин «база». Этот «начальный элемент предложения соединяет высказывание с контекстом и ситуацией, выбирая из нескольких возможных соединений то, которое становится исходной точкой, из которой разворачивается все последующее высказывание и относительно которой оно ориентируется»¹⁶. Расхождение с Халлидеем состоит в том, что тематизация предложения, по Халлидею, не зависит от предшествующего контекста. Дальнейшие исследования, видимо, покажут правомерность и того и другого взгляда. Термин «тема» используется Бенешем для обозначения темы в нашем понимании, т. е. элемента(ов), передающего(их) самую низкую степень КД.

Наше понимание темы отвечает информационной системе Халлидея. Здесь возникает вопрос, какое отношение существует между информационной системой и грамматической структурой. Халлидей подчеркивает, что информационная система предписывает высказыванию структуру, не зависящую от структуры предложения¹⁷. С нашей точки зрения ФПП образует систему, которую следует интерпретировать в ее собственных терминах, однако ее надо рассматривать как накладываемую на семантическую и грамматическую структуру предложения. Эти три уровня действуют в процессе коммуникации взаимосвязанно.

В понимании Халлидея немаркированной и наиболее частой темой местоименных вопросов является ВЭ; немаркированной и наиболее частой темой замкнутых вопросов является личная форма глагола. По Халлидею, темой сообщения является существование чего-то, о чем говорящий не знает и что он хочет узнать; остальная часть сообщения представляет собой объяснение его требований. Это наблюдение полностью подтверждает наш вывод относительно двух функций, выполняемых вопросительным предложением¹⁸. Подчеркивая объяснительную функцию предложения, Халлидей подтверждает нашу интерпретацию элементов, находящихся в вопросе рядом с главными указателями желания получить знание (т. е. в соответствующих случаях ВЭ и/или личная форма глагола): по отношению к узкой сцене эти элементы обычно нельзя интерпретировать как передающие только известную информацию. Это возвращает нас к тому, какая роль должна быть приписана личной форме глагола и ВЭ на уровне ФПП.

Семантическое содержание глагола не однородно. Это также отражается на уровне ФПП. В немаркированном случае элементы личной формы

¹⁴ М. А. К. Halliday, указ. соч., разд. 2, стр. 205.

¹⁵ Там же, стр. 212.

¹⁶ E. Benes, *Začátek německé věty z hlediska aktuálního členění výpovědi*, «Časopis pro moderní filologii», 41, 1959, стр. 216.

¹⁷ М. А. К. Halliday, указ. соч., стр. 211.

¹⁸ См. еще: J. Firbas, *Some thoughts ...*, стр. 90—92; см. также: М. А. К. Halliday, *Functional diversity in language*, London, 1970 (ротапринт), стр. 36, примеч. 36.

глагола неодинаково способствуют дальнейшему развертыванию сообщения: понятийная составляющая передает более высокую степень КД, чем темпоральные и модальные указатели (далее — ТМУ). Вслед за Б. Трнкой¹⁹ мы понимаем под ТМУ все формальные средства, которые используются для передачи темпоральных и модальных значений глагола. Сюда относится, например, чередование корневых гласных в *sing, sang, sung*, глагольный суффикс *-ed*, вспомогательные глаголы. Различение роли говорящего (mood) и наклонения (modality), предложенное Халлидеем, полезно. По Халлидею, коммуникативная роль говорящего состоит в том, что он может выступать в зависимости от речевой ситуации как информант, рассказчик, спрашивающий, проситель; наклонение — это форма, при помощи которой говорящий объясняет или определяет то, что он в данный момент говорит. Предложенное определение ТМУ распространяется также на модальные прилагательные, которые в зависимости от контекста относятся к первому, второму или одновременно к обоим аспектам. Видно, что для нашей статьи это решение является приемлемым.

О функции ТМУ в ФПП мы уже писали более подробно; в немаркированных случаях ТМУ связывают тематическую и нетематическую часть предложения²⁰. Они передают самую низкую степень КД внутри тематической части предложения и составляют таким образом собственно переход. В немаркированных предложениях информация, передаваемая ими, т. е. темпоральные и модальные значения, представляется всегда новой, т. е. контекстуально независимой, не извлекаемой из предыдущего контекста. Пользуясь терминами Халлидея, можно сказать, что обычно говорящий выбирает коммуникативную роль и решает форму своего объяснения или определения в каждом новом акте предикации заново. Так же устанавливаются темпоральные отношения между языковым событием (предложением) и внеязыковым явлением, о котором сообщает говорящий. В нормальных условиях ТМУ несут темпоральные и модальные значения и тем самым начинают создавать информацию, ради которой произносится предложение, на основе, подготовленной тематическими элементами. Таким образом, они являются переходными по самой своей природе.

В маркированных случаях ТМУ, напротив, образуют собственно рему или становятся частью более или менее обширной темы. Это бывает в случаях, когда предложение употребляется при резком и специальном контрасте одного из своих элементов. Отобранный для такого контраста элемент становится носителем собственно ремы, а остальные элементы образуют более или менее обширную собственно тему. Сравним *I h a v e f o u n d a h a t* с *I h a v e f o u n d a h a t*. В первом случае *have* функционирует как носитель собственно ремы, во втором является частью более широкой собственно темы. ТМУ в повествовательных предложениях проявляют чрезвычайно высокую степень совпадения, может быть, наивысшую в системе языка, между грамматическим уровнем и уровнем ФПП. Высокая степень совпадения подтверждается также просодическими свойствами личной формы глагола²¹. Исследование взаимоотношения просодических и грамматических черт было начато Р. Кверком и его сотрудниками²².

¹⁹ B. T r n k a, Some thoughts on structural morphology, сб. «Charisteria Guilelmo Mathesio ... oblata», Prague, 1932, стр. 58.

²⁰ J. F i r b a s, A note on transition proper in functional sentence analysis, «Philologica Pragensia», 8, 1965.

²¹ См.: J. F i r b a s, On the prosodic features of the Modern English finite verb as means of functional sentence perspective, «Brno studies in English», 7, 1968.

²² R. Q u i r k (in collaboration with J. Svartvik, A. P. Cuckworth, J. P. L. Rusiecki and A. J. T. Colin), Studies in the correspondence of prosodic to grammatical features in English, «Proceedings of the IXth International congress of linguists», The Hague, 1964.

Из-за недостатка места мы не можем здесь подробно исследовать проблему соответствия между шкалой КД и шкалой просодической весомости. Все же вкратце попытаемся показать, на какой основе можно оценивать просодическую весомость ТМУ в повествовательных и вопросительных предложениях ²³. Несколько слов о шкале КД и шкале просодической весомости.

Шкала КД состоит из собственно темы, т. е. из элементов, передающих самую низкую степень КД, из остатка темы, собственно перехода, остатка перехода, из остатка ремы, из собственно ремы, т. е. элемента, который передает самую высокую степень КД. Шкала просодической весомости в английском состоит, по А. Гимсону, из четырех степеней ударяемости ²⁴. Не вдаваясь в подробности, эти степени можно обозначить следующим образом: неударяемый, частично ударяемый, ударяемый и несущий ядро элемент. Вслед за А. Гимсоном мы применяем термин «ядро» для обозначения просодических черт полностью ударяемого слога, который отличается от ударяемого, частично ударяемого и неударяемого тем, что несет (хотя бы в своем начале) изменение высоты тона, т. е. падение или повышение тона или их комбинацию. Соответствие указанных шкал надо искать внутри дистрибутивных полей, которые возникают из грамматических структур посредством явной или скрытой предикации ²⁵. Дистрибутивным полем первого типа является предложение, полем другого типа может служить определительная конструкция (управляющее слово + определение). Мы должны добавить, что если внутри одного и того же дистрибутивного поля встречаются два просодических признака, описываемых фонически сходными терминами (см. указанные степени ударяемости), то признак, встречающийся позже, следует считать функционально более весомым (сигнализирующим более высокую степень КД). Из этого следует, что при встрече внутри дистрибутивного поля двух или больше ядер ядро, находящееся на последнем месте, будет функционально наиболее весомым. Так, сложное предложение *They 'said on the 'radio last 'night that a 'thaw was expected* составляет основное дистрибутивное поле, внутри которого находится дистрибутивное поле высшего порядка, образованное зависимым объектным предложением. Зависимое предложение выступает внутри основного дистрибутивного поля в качестве ремы, что сигнализируется наибольшей функциональной весомостью. Главное предложение обладает своей собственной ФПП структурой. *They* функционирует как собственно тема, тематическим также является элемент *last 'night*, элементы *'said on the 'radio* — переходные.

Предложенное для английского языка положение относительно функциональной весомости фонически сходных признаков нуждается в том уточнении, что если внутри одного и того же дистрибутивного поля после падающего тона следует низкий, восходящий, то несущий его элемент функционально менее важен, чем предшествующий с нисходящим тоном, ср. *I'll 'show them to you if you like*.

Сказанное, конечно, не следует понимать в том смысле, что в языке наблюдается полное соответствие этих двух шкал. Напротив, полное соответствие могло бы препятствовать языку в выполнении его коммуникативных задач. С другой стороны, для выполнения этих задач требуется сравнительно высокая мера соответствия. Исследования Кверка и Халли-

²³ Подробнее см.: J. F i r b a s, On the prosodic features...

²⁴ A. C. G i m s o n, An introduction to the pronunciation of English, London, 1962, стр. 244.

²⁵ A. S v o b o d a, The hierarchy of communicative units and fields as illustrated by English attributive constructions, «Brno studies in English», 7, 1968.

дея показали, что во всяком случае не все элементы шкал точно совпадают²⁶.

Все же следует заметить, что внутри переходно-рематической части повествовательного предложения встречается почти идеальное соответствие двух шкал. Напротив, в тематическо-переходной части могут появляться отчетливые отклонения от полного соответствия, поскольку распределение КД выражается достаточно ясно взаимодействием средств ФПП, где значимы и непросодические средства. Мы имеем в виду случай хорошо известного отклонения, которое можно описать как просодическое усиление темы. Оно может появляться по разным причинам. Например, в предложении *~ Mine is from the 'library* тема *~ Mine* находится в ясном, хотя и нерезком контрасте с определенным элементом, упомянутым выше и легко понятным из предыдущего контекста. Важно заметить, что *~ Mine* могло бы потерять свой тематический характер, если бы за ним не следовал элемент, передающий функционально более значимый признак. Просодическое усиление, которое осуществляется посредством отклонения от полного соответствия двух шкал, остается, таким образом, внутри определенных границ, установленных требованиями ФПП. Это заключение подтверждается исследованием просодических свойств личной формы глагола: в немаркированных случаях ТМУ выполняют функцию собственно перехода, между тем как в маркированных случаях они становятся собственно ремой или частью более или менее обширной темы.

Теперь обратимся к функции ТМУ в вопросах. Несомненно, ТМУ в вопросах обладают большим коммуникативным весом, чем в повествовательных предложениях. Это связано с типом роли говорящего (mood), который выражается в вопросах. Если тип роли, выраженный ТМУ в повествовательном предложении, немаркирован, то в вопросительных предложениях он маркирован. Особенно это очевидно в замкнутых вопросах, где ТМУ выражают желание спрашивающего получить знание, а также обращение к слушателю с тем, чтобы он удовлетворил это желание. Маркированность типа роли говорящего отчетливо выражается в форме замкнутых вопросов. Во-первых, в них используется вспомогательный глагол *do*, во-вторых, они, взятые в целом, обладают более высокой частотой вспомогательных элементов, которые находятся в сильной (полной, несокращенной), а иногда даже и в сильной ударяемой форме; в-третьих, в них встречается инверсия. Случайное отсутствие инверсии, а также возможное отсутствие вспомогательного *do* должно быть компенсировано наличием хотя бы вопросительной интонации. Указывая, что ожидаются ответы «да» или «нет», а не ответ, сигнализируемый и требуемый ВЭ, ТМУ замкнутого вопроса тем самым участвуют в информировании говорящего о том, как он должен подойти к ответу. Это значит, что ТМУ замкнутого вопроса хотя бы в некоторой мере принимают участие в объяснительной функции вопроса. Ни объяснительная, ни указательная функция не выводятся из предыдущего контекста.

Описанная функция ТМУ менее заметна в местоименных вопросах, в которых главным показателем вопросительной роли (mood) является ВЭ. Здесь ТМУ лишь помогают сигнализировать о желании спрашивающего получить знание, а ВЭ посредством своего семантического содержания активно участвует в его определении. ВЭ — подобно ТМУ в замкнутых вопросах — не исключается из участия в объяснительной роли вопроса. В нормальных условиях в местоименном вопросе ВЭ превосходит ТМУ

²⁶ R. Quirk, Descriptive statement and serial relationship, «Language», 1965, 41; M. A. K. Halliday, Clause types and structural functions, London, 1969 (по-тапрант). Более подробно см.: его же, Language structure and language function, New horizons in linguistics, ed. by J. Lyons, Harmondsworth.

по степени КД. Просодические признаки соответствуют этому наблюдению. ВЭ оказывается в нормальных условиях на просодическом уровне более весомым, чем ТМУ. ВЭ — обычно ударяемый элемент, тогда как ТМУ не получают ударения.

Итак, ТМУ в замкнутых вопросах и ВЭ в местоименных выступают не только как указатели желания получить знание; они также принимают участие в объяснительной функции. Это позволяет им участвовать в дальнейшем развертывании сообщения в большей мере, чем ТМУ в повествовательных предложениях. Повествовательные ТМУ мы интерпретировали как нетематические, переходные; вопросительные ТМУ и ВЭ также следует интерпретировать как нетематические. Это требует некоторого объяснения.

Относительно функции, касающейся желания говорящего получить знание, их трудно интерпретировать как релативные — выполняемая ими модальная функция в немаркированных случаях должна рассматриваться как сопровождающая. Что касается объяснительной функции, то ВЭ и ТМУ лишь участвуют в указании на точку зрения, с которой надо подойти к вопросу; в немаркированных случаях они не определяют конкретно эту точку зрения, ту перспективу, в которой должен функционировать вопрос, и, бесспорно, не становятся релативными. Тот факт, что они замещают подлинное знание и являются элементами стереотипного характера, подтверждает такое заключение. Видимо, наиболее адекватной является их интерпретация как переходных, при допущении, что вопросительные элементы могут находиться близко к реме или даже встречаться на ее периферии. Этот вывод подтверждается просодическими свойствами ТМУ и ВЭ в их соотношении с просодическими свойствами других элементов вопросительного предложения.

Хотя мы не располагаем результатами статистических исследований (а такие исследования необходимо провести), уже сейчас можно утверждать, что случаи, в которых ВЭ или ТМУ оказываются носителями интонационного центра, встречаются сравнительно редко, причем они заметно маркированы. Это бывает, когда требуется повторение ответа, например, *"What has he 'found?", "Have you 'found your 'hat?".* В таких случаях единственной семантической единицей, которую можно считать контекстуально независимой и которая делает ВЭ или ТМУ собственно ремой (вследствие чего они становятся носителями интонационного центра), является указание на желание получить знание. Объяснительная функция становится при этом избыточной. Обсуждаемые случаи обладают чрезвычайно высокой степенью контекстуальной зависимости, которая проявляется в виде сигнала о том, что требуется повторение. В немаркированных случаях ни ВЭ, ни ТМУ не бывают носителями наиболее значимых признаков в вопросе; наш анализ показывает, что ВЭ и ТМУ исключаются из релативной части. Отклонения от полного соответствия шкалы КД и шкалы просодической весомости встречаются в нерелативной части предложения, особенно в его тематической области. Тем не менее можно предполагать, что эти отклонения достаточно компенсированы действием непросодических средств ФПП, как это бывает с повествовательными ТМУ. Но просодические средства не исключаются полностью из участия в становлении шкалы КД. ВЭ или ТМУ теряют свой переходный характер именно тогда, когда они сами становятся носителями интонационного центра, ср.: *"What have you 'found?", "Have you 'found your 'hat?".* Они теряют переходный характер и в том случае, когда находятся в части предложения, лишенной просодической весомости из-за того, что какой-то другой элемент внутри вопроса выбирается для резкого и специального контраста, например, *What have *you found?* (повторяется заданный уже вопрос

и в объяснении выделяется один элемент, который может допустить плохое понимание).

Подведем теперь итоги предложенному анализу. В немаркированных случаях мы интерпретировали ВЭ и ТМУ как переходные элементы. Дальнейшее исследование должно определить, в какой мере ВЭ приближается к области ремы. Вопросительные ТМУ участвуют в образовании собственно перехода, но наличие семантической единицы вопросительной роли (mood) позволяют им передавать более высокую степень КД, чем у повествовательных ТМУ, и поэтому они покрывают более широкую часть шкалы КД. У просодических признаков наблюдается отчетливая тенденция находиться в согласии с установленными степенями КД.

Прежде чем окончить наш разбор, следует сделать некоторые замечания относительно просодической формы ремы в вопросительных предложениях. В чешском языке в немаркированных, неэмоциональных вопросах интонационный центр находится на последнем слове. Е. Кржижкова объясняет это явление ритмической тенденцией, которая является типичной для чешских немаркированных предложений и которую можно заметить как в немаркированных повествовательных предложениях, так и в немаркированных вопросительных²⁷. Но если в немаркированных повествовательных предложениях интонационный центр находится на последнем слове из-за своего рематического характера, то в немаркированных вопросах он находится на последнем слове только благодаря названной ритмической тенденции. Е. Кржижкова считает, что в немаркированных вопросах эта тенденция действует вполне автоматически. Такое предположение означает, что в чешском вопросе нет соответствия между элементом, выражающим рему, и элементом, несущим интонационный центр. Это сомнительно.

В качестве примера возьмем вопросительную структуру *Pracuje tatínek doma?*. При наиболее естественном произношении интонационный центр помещается на *doma*, т. е. на последнем слове вопроса. Возможен и другой порядок слов с интонационным центром на последнем слове: *Pracuje doma tatínek?*, *Tatínek pracuje doma?*, *Tatínek doma pracuje?*, *Doma pracuje tatínek?*, *Doma tatínek pracuje?*. Мы здесь не исследуем того, маркированы ли эти варианты или нет и если да, то в какой степени. Интересно в данном случае следующее. Очевидно, что в определенных ситуациях некоторые из вариантов взаимозаменяемы. Но в равной степени верно и то, что каждый из них способен выражать определенный оттенок перспективы, который нельзя передать другими вариантами. Иными словами, каждый из вариантов в той или иной степени имеет специфическую коммуникативную цель.

Это справедливо (с некоторыми изменениями) и относительно набора вариантов с интонационным центром на предпоследнем слове, а также набора вариантов с интонационным центром на первом слове. Первый набор: *Pracuje tatínek doma?*, *Pracuje doma tatínek?*, *Tatínek pracuje doma?*, *Tatínek doma pracuje?*, *Doma pracuje tatínek?*, *Doma tatínek pracuje?*. Второй набор: *Pracuje tatínek doma?*, *Pracuje doma tatínek?*, *Tatínek pracuje doma?*, *Tatínek doma pracuje?*, *Doma pracuje tatínek?*, *Doma tatínek pracuje?*.

Все приведенные варианты приемлемы для носителя чешского языка. Однако ясно, что другие типы семантических и грамматических структур не всегда дают такое большое число приемлемых вариантов²⁸. В других

²⁷ Н. Křížková, указ. соч.

²⁸ См.: Н. Seiler, On the syntactic role of word order and of prosodic features «Word», 1962, 18.

случаях коммуникативные цели, которые удовлетворяются этими вариантами, в действительности различаются очень мало. Кроме того, такие языки, как английский и немецкий, не обладают таким количеством вариантов — в английском и немецком порядок слов не настолько свободен, как в чешском (в немецком и частично в английском это связано с сильной взаимосвязанностью субъекта и глагола на уровне порядка слов). Но и в чешском, и в английском, и в немецком изменение позиции интонационного центра тесно связано с изменением аспекта, в котором надо ответить на вопрос. Такой сдвиг может оказаться незначительным, но важно то, что возможность его существует (хотя бы потенциально). Не ритм предложения, а указание на тот аспект, в котором следует рассматривать вопрос, определяет главным образом место интонационного центра. Иначе говоря, ритмические структуры в чешском, английском и немецком языках не возникают под действием неких автоматических принципов — они в конечном итоге вызываются требованиями ФПП. Мы полагаем, что взаимное соответствие (совпадение) собственно ремы и интонационного центра — это общее свойство как замкнутых, так и местоименных вопросов. Оба типа вопросов разделяют это свойство с повествовательными и повелительными предложениями и с переходными случаями ²⁹.

²⁹ См.: D. B o l i n g e r, Interrogative structures of American English, «Publications of the American dialect society», 28, Alabama, 1957.